

ОТЗЫВ

На автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Агапитовой Екатерины Константиновны «Фантастический мир И. А. Ефремова: проблематика и поэтика» (специальность 10.01.01 – русская литература)

Диссертация Е. К. Агапитовой – чрезвычайно своевременное исследование, посвященное автору, сыгравшему большую роль в истории русской литературы и культуры, но обделенному вниманием исследователей в силу ряда объективных причин. Вопреки своему реальному статусу и значению, И. А. Ефремов до конца своей жизни придерживался внешне «периферийной» позиции: беллетрист, а не представитель «серьезных» литературных жанров; фантаст, а не реалист (соцреалист); ученый в литературе, а не профессиональный писатель.

В действительности, литературному труду Ефремов отдал ровно половину жизни – около тридцати лет: больше, чем Пушкин, Чехов, Блок и многие другие. Как писатель он полностью состоялся. Пережил сенсационную славу (на одной из мировых выставок в Париже был самым популярным русским автором). До сих пор любим и активно переводится на разные языки народов мира (второй корейский перевод «Туманности Андромеды», например, вышел в минувшем году).

Несмотря на периферийный статус фантастики, Ефремов стал революционером в этом жанре, как и в жанре утопии (Т. А. Чернышева и др.), заслужил массовую читательскую любовь и всемирное признание. Уже одно это требует пристального исследовательского интереса, тем более, что внешнее сходство с однодневной массовой беллетристикой не должно обманывать: Ефремов отнюдь не обладал коммерческой «плодовитостью» и не эксплуатировал ходовые штампы; эротическая линия в его творчестве – не способ «пробиться к читателю», а героически отстаиваемое (несмотря на сильное сопротивление цензуры) право на искренность и утверждение всеобъемлющей красоты.

Однако определенным демократизмом его проза обладала, поскольку, как верно замечает автор диссертации, Ефремов сознательно уступал широким читательским вкусам, вводя в свой художественный мир авантюрную интригу, от которой он с легкостью отказался бы в пользу жанра философского диалога. Ефремов – писатель-мыслитель, внутренне близкий к таким авторам, как Платон, Цицерон, Томас Мор, Свифт, Рабле, Вольтер, Гете, Радищев, Чернышевский, Сологуб, Замятин, Уэллс, Оруэлл и даже Солженицын. При всей разнице стиля и направлений мысли все они своим творчеством – прямо или через отрицание – утверждали некий воображаемый проект мира и человека.

Именно это, философское и конструктивное содержание его творчества, а не сама принадлежность к фантастике, делает мир произведений Ефремова таким притягательным, в первую очередь – для самого автора, то есть первого читателя собственных произведений. Отчасти это объясняет и умеренную популярность

экранизации его первого романа «Туманность Андромеды»: несмотря на то, что в центре кинокартины – увлекательное приключение на далеких планетах, главное для автора – вовсе не приключения, а изображение высокого строя *повседневной* жизни далекого будущего, то, как решаются личные и мировые проблемы, как происходит воспитание души. Мир будущего – это мир философов, художников и ученых.

Ефремов – утопист, впитавший в себя широкий спектр человеческих знаний и подходов к воспитанию человека и построению общества. Ему не были чужды ни научные, ни донаучные формы знания и обобщения знаний о мире, поэтому так много находится у него точек соприкосновения с самыми разными теориями и учениями, в том числе идеалистическими и религиозными: он умел видеть в них рациональное зерно и способность трансформации в знания иного типа: алхимии – в химию, астрологии – в астрономию, духовных учений – в психологию, мифа – в науку.

В рецензируемой работе тщательно и на самом высоком уровне проанализированы точки соприкосновения утопического идеала Ефремова с орфико-пифагорейскими воззрениями древних греков: прежде всего, в романе «Таис Афинская», но и в остальном его творчестве тоже. Казалось бы, какое отношение могут иметь давно забытые культы к романам о современности и о будущем, исполненным пафоса научного и технического прогресса? Однако Е. К. Агапитова совершенно верно и мастерски показывает единство художественного и интеллектуального мира произведений Ефремова: они все отчасти – фантастические, отчасти – исторические, отчасти – приключенческие и т. д.

У Ефремова есть излюбленный культурно-географический ареал, более или менее совпадающий с чуть расширенными античными представлениями о мире, и одна из его излюбленных идей, кочующих из книги в книгу – мысль о древнейшей крито-индийской цивилизации. Е. К. Агапитова прекрасно показала связь этой древней воображаемой праобщности с распространением женских культов в интерпретации ученого и поэта Роберта Грейвса. Она также показала системные взаимосвязи представлений орфиков и пифагорейцев с соответствующими культами. Можно пожалеть только о том, что индийская сторона этой культурной общности проанализирована гораздо меньше. (Но это, конечно, не вина диссертанта: нельзя объять необъятного.)

Сама тема похода Александра Македонского привлекла такое пристальное внимание писателя именно потому, что великий завоеватель дошел до Индии и на новом витке истории на миг воссоздал «греко-индийскую» общность, результатом которой стало утверждение эллинистической культуры, а отдаленным следствием – и распространение христианства в Европе. Уже в первом романе Ефремова к звездам летит звездолет «Тантра», величайший эксперимент проводится в горах Тибета, а «Клятва Геракла» дается учителю со всеми признаками «гуру» (это понятие, как и смысл йоги) подробно разбирается в индийской части «Лезвия бритвы».

В связи с этим возникает вопрос: не находит ли автор диссертации определенного сходства между признаками орфических учений, выявленными в романе «Таис Афинская», и некоторыми чертами буддизма?

Другой вопрос также связан с единством художественного пространства произведений Ефремова: нет ли в романе «Таис Афинская» заметных анахронизмов или отсылок к более поздним формам культуры? Не усматривает ли диссертант в триаде «Истина, Добро, Красота» отсылки к более поздним интерпретациям учений античности, например, у Владимира Соловьева?

В диссертации отмечен устойчивый интерес Ефремова к поэзии эпохи модернизма. Нет ли оснований считать, что период оттепели был своеобразным ренессансом «Серебряного века», что проявилось не только в новом наступлении поэзии и реабилитации некоторых дореволюционных и эмигрантских поэтов и писателей, но и в частичном возврате к символизму и утопизму, неоромантической фантастике в прозе таких авторов, как Иван Ефремов, Александр Грин и им подобных?

В этом случае нашли бы объяснение многие черты произведений Ефремова, в том числе постоянная установка на создание синтетических форм искусства (цвето-музыка, сплав творчества и теории), культ красоты, культ женщины (ср. Вечная Женственность), бережное отношение к античному идеалу при одновременной устремленности в будущее (ср. «аргонавтизм» Андрея Белого) и т.д.

На наш взгляд, диссертационное исследование Екатерины Константиновны Агапитовой «Фантастический мир И. А. Ефремова: проблематика и поэтика» полностью соответствует требованиям ВАК и п. 9 Положения о присуждении ученых степеней ВАК при Минобрнауки, а сама Е. К. Агапитова – искомой степени кандидата филологических наук.

18 января 2018 г.

Войтехович Роман Сергеевич,

PhD по русской литературе,

Преподаватель кафедры русской литературы Тартуского университета (Эстония).

Estonia, 51003 Tartu, Lossi 3, Maailma keelte ja kultuuride kolledž.

+(372)58179818

E-mail: voitehh@mail.ru

